

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Ночной гость,
или Бабочка на огонь

Екатерина Гринева

Ночной гость, или Бабочка на огонь

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936715

Ночной гость, или Бабочка на огонь : роман / Екатерина Гринева:

Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57932-7

Аннотация

У Евы не было никаких иллюзий: ее шеф, сотрудник службы безопасности крупного финансового холдинга, никогда не разведется. Но и представить себе жизни без него она тоже не могла! Пока не получила очередное задание: провести расследование в эстонском филиале банка, откуда недавно сбежала сотрудница с круглой суммой в евро. Самое удивительное – мошенница просто одно лицо с Евой! Но ведь между ними нет никакой связи... Приехав в Таллин, девушка познакомилась с загадочным мужчиной, который в первый же вечер спас ее от шального выстрела сумасшедшего мотоциклиста. Похоже, дело серьезнее, чем Ева предполагала... И новый знакомый имеет к нему непосредственное отношение!

Содержание

Ночной гость, или Бабочка на огонь	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Екатерина Гринева

Ночной гость, или Бабочка на огонь

Ночной гость, или Бабочка на огонь

– Киса! – Олег опустился на колени и сложил руки на груди, как для молитвы. – Киса! Давай еще раз! Ну, пожалуйста, разочек!

Я смотрела на него сверху вниз. Он стоял на коленях и смотрел на меня с выражением покорности и мольбы. Это и раздражало меня в мужиках больше всего. Но им это нравилось. Все-таки мазохисты они порядочные, что бы там ни говорили, и любят попасть под крутой каблучок, хотя при любой представившейся возможности плачут в жилетку и хнычут, что супружеская жизнь их заела. «Черта с два заела! – злоратно думала я, смотря на Олега. – Ты сам рад сунуть голову в эту петлю. А мне плачешься об обратном. Так я тебе и поверила!»

С Олегом я познакомилась в универмаге. Царило тогда повсюду лихорадочное возбуждение перед Новым годом: все

спешили запастись на праздник продуктами питания и набивали ими полные тележки. Народ хотел отпраздновать Новый год в кругу семьи, домочадцев, родных и знакомых. У меня никого не было, поэтому Новый год был вычеркнут из списка моих праздников – окончательно и бесповоротно. Я вообще не жаловала праздники – они напоминали мне о собственном одиночестве и неприкаянности; хотелось сразу выть во весь голос или напиться вдрызг, до положения риз. Близких подруг у меня не было, семьи тоже, и, значит, мне грозила участь провести Новый год с бокалом шампанского у телевизора под плоские и давно набившие оскомину шутки наших шоуменов, шоуменш и прочей голимой попсы. Был еще выход – купить диск с фильмом и посмотреть тонкую французскую мелодраму, где все в конце концов кончается хорошо и два любящих сердца соединяются навеки под звуки красивой мелодии. В жизни такое встречается редко, гораздо реже, чем это сочиняют сценаристы и ставят ушлые режиссеры.

Оставалось еще какое-нибудь маленькое шаловливое приключение, но Новый год, если говорить честно, к этому располагал мало. Все стремились в лоно семьи, да и суровые супружницы не выпускали своих половин из-под бдительного контроля. Раз уж мой любимый человек был давно и счастливо женат, мне оставалось развлекать саму себя мелкими одноразовыми интрижками, которые часто затухали, даже не успев толком и развиться. Последний полноценный роман

случился у меня два года тому назад и продержался целых четыре месяца. Обычно мои связи длились меньший срок. Мужчины мне быстро надоедали – они все были скучными, пустыми и жутко трусливыми...

Я купила в магазине шампанское и случайно задела локтем высокого мужчину в хорошей дубленке, разругавшись, с усилием толкавшего перед собой тележку, куда было уже навалено много упаковок, свертков и кульков. Сверху лежал – красовался – ананас с пышной розеткой остроконечных листьев. Этот ананас меня и доконал. Я как представила, что мужчина сейчас ввалится к себе в квартиру и будет разгружать сумки со снедью... Вокруг будут радостно кудяхтеть жена и детишки: крики, вопли, радостное возбуждение, всяческие разговоры – кто к ним придет завтра и какие подарки надо еще докупить...

Я сглотнула. Это было чудовищно, ужасно несправедливо!

Я стояла и смотрела на него, чисто машинально. Он, наткнувшись на мой взгляд, улыбнулся. И я решилась.

– Простите! – обратилась я к нему низким голосом, придав ему всю соблазнительность, на какую только была способна. – Вы не можете мне помочь?

Я давно убедилась, что слово «помочь» действует на мужчин магически. Они сразу расправляют плечи и чувствуют себя сильными защитниками слабой половины рода человеческого.

Так случилось и на этот раз. Его взгляд засветился сочувствием:

– Конечно! А что случилось?

– Просто... я плохо разбираюсь в винах. Не пью. А нужно купить хорошую бутылку вина в подарок.

– Ну, это дело немудреное. Какое вы хотите вино? – с готовностью откликнулся он. – Красное? Белое? Полусладкое? Сухое?

– Наверное, полусладкое. Вино для дамы. Старая институтская подруга... Долго не виделись, я пригласила ее к себе на Новый год. Знаете, такие девичьи посиделки. – Я постаралась придать голосу оттенок грусти. Только – легкий, чтобы не переиграть.

– Понимаю. Даю тогда совет. Слушайте и запоминайте! Полусладкое – хороший выбор. Пойдемте. Я вам сейчас выберу. – Он толкнул тележку, и мы пошли вдоль витрин. Незаметно мы разговорились, я задавала ему разные нейтральные вопросы, чтобы расположить его к себе, он охотно отвечал на них. Так я узнала, что он работает в банке, женат. У него двое детей – мальчик и девочка. Жена – домохозяйка.

– Это настоящее женское призвание, – быстро вставила я. – Следить за домом. Воспитывать детей... Все правильно.

По легкой гримаске неудовольствия, скользнувшей по его лицу, я догадалась, что эта тема является камнем преткновения в семье. Наверняка время от времени между ними вспыхивают ссоры по этому поводу: жене нравится сидеть сиднем

дома, а муж пытается пристроить ее на работу. Позже оказалось, что все так и есть. Проницательностью меня Бог не обделил.

Мы подошли к полке с винами. Я мимоходом спросила своего спутника, как его зовут. Он назвался – Олег. Так мы и познакомились. Потом я как бы невзначай попросила его донести мои сумки до станции метро. Олег же вызвался довезти меня до дома. Я замялась – для вида, а потом согласилась. Он донес мне сумки до квартиры, и я предложила ему выпить чашку кофе или чая. Пока он сидел в кухне, я быстро облачилась в короткий кружевной халатик, под которым был мой любимый эротичный корсет. Все остальное было делом техники и достаточно предсказуемо. Мне было так плохо и так одиноко в тот вечер, что оказалось достаточно небольшого толчка, чтобы все завертелось. Я думала спастись от одиночества, но только усугубила его. Я пожаловалась Олегу на женское одиночество, а он схватил мою руку и принялся жадно ее целовать.

Мы плавно переместились в комнату, я сбросила халатик, и тут Олег сделал то, чего я от него никак не ожидала: он стянул с себя брюки, вынул из них ремень и протянул его мне.

– Хлестни меня, пожалуйста! – И опустился на колени, приспустив трусы.

Блин, мазохист попался! И тут раздался звонок сотового телефона. Олег нахмурился и выхватил телефон из кармана

брюк.

– Да, Лидочка! – громко сказал он. – Да. Скоро буду.

Я сидела, изо всех сил с трудом удерживаясь от смеха – так мне было смешно от этой лжи, к которой обычно прибегают мужчины. Но Олег делал мне страшные знаки: мол, молчи, и я зажала себе рот рукой.

И в эту минуту наваждение прошло: я вдруг поняла, что совершенно не хочу заниматься сексом с этим мужчиной, в уме уже считающим время до момента свидания с семьей. Я бежала от одиночества, но от себя-то не убежишь, как ни старайся. И от этой мысли мне стало очень тошно. Я просто вновь обманывала себя. И зачем я только занимаюсь этим мазохизмом? Зачем? И кого я пытаюсь обвести вокруг пальца?

Я стояла и смотрела на Олега.

– Ева! – он вновь протянул ко мне руки. В семейных трусах, с всклокоченными волосами, и вид у него был какой-то жалкий, затюканный. Как у большинства российских мужиков, давно и прочно находившихся под каблуком у своих супругов.

Я подавила вздох. Нет ничего смешнее мужчины вот в таких кондовых трусах, символе добропорядочной семейственности. Все было зряшным и нелепым. Осталось только выставить Олега за дверь и лечь спать. Приключение не получилось.

– Ева! – он облизнул губы. – Что ты?

– Расхотела, – лениво процедила я. – Гоу хоум.

На его лице отразилось полнейшее непонимание.

– Не понял?..

– Зато поняла я. Гоу хоум! Тебя Лидочка ждет...

– Но мы же можем по-быстрому... Мы успеем.

– По-быстрому не получится. – Я откровенно издевалась над ним. А он стоял и покорно все терпел. Наверное, его уже возбудило это легкое приключение. – Все! Пока!

Но тут раздался звонок уже моего телефона. Я посмотрела на экран дисплея: Вениамин! Черт бы его побрал: позвонил в самый неподходящий момент. А когда-то он был для него «подходящим», подумала я, и горькая усмешка тронула мои губы. Всегда – теперь! – неподходящий... Возникло искушение: нажать на «отбой», но это было уже чревато серьезной нахлобучкой, поэтому я задержала вдох и пропела в трубу:

– Алле!

– Это я. А почему ты долго не отвечала?

– Были дела, – я покосилась на Олега, стоявшего на колених. – Личные, – не удержалась я.

– Какой ни-ть чел стоит перед тобой со спущенными штанами? – поддел меня собеседник.

Я не удержалась и прыснула:

– Почти угадал!

– Ты серьезно?

– Серьезнее некуда.

– Гони его в шею. Я сейчас подъеду. Есть разговор. На

миллион баксов.

– Ну, если на миллион...

Но он уже дал отбой.

– Так всегда, – сказала я громко вслух и посмотрела на Олега. – Сатрап! Изверг и супостат! – И я подкинула сотовый в воздух. А потом ловко поймала его одной рукой. – Слышал? – обратилась я к Олегу.

Он смотрел на меня, как зачарованный, приоткрыв рот.

– Ч-чего? – спросил он, заикаясь.

– Ко мне сейчас любовник приедет. Понял? Так что дуй отсюда, пока он не накостылял тебе как следует. Он у меня человек спортивный, крепкий, так что, если тебе маленько физию помнут, не взыщи. Еще неизвестно, как твоя Лидочка к этому отнесется.

– Т-ты правду говоришь?

– Ага! Правду, и ничего, кроме правды, так что уноси ноги, пока цел.

Олег встал с колен и быстро оделся.

– С-сука! – пробормотал он.

– Чего?

Я подошла и пнула его ногой под зад.

От моего толчка он грохнулся на пол, не удержав равновесия.

– Еще раз скажешь такое, не соберешь костей! – процедила я сквозь зубы. – Запомни, дядя: со мною шутки плохи!

Зазвонил его сотовый, который он положил на столик. Я

перехватила телефон раньше, чем его успел схватить Олег. На экране дисплея возникла пухлая блондинка с двумя подбородами.

— А если я сейчас твоей Лидочке скажу, где ты находишься и что делаешь? Она тебя по головке за это погладит?

Лицо Олега исказила страдальческая гримаса. Он не ожидал такого поворота дела и замер, ожидая, что я сделаю дальше.

— Ладно. Не буду нарушать твою семейную идиллию. Дуй домой к своим и скажи спасибо, что легко отделался. На счет «три» чтобы тебя здесь не было!

Когда Олег ушел, я села в кресло и несколько минут смотрела прямо перед собой невидящими глазами. Похоже, мои попытки как-то отвлечься от одиночества провалились, несмотря на все старания. Сейчас сюда придет Вениамин и насыплет мне соль на раны. Видеть его мне совсем не хотелось, это было бы еще горше, особенно перед Новым годом. Он сейчас придет. А потом уйдет — к своей Ларисе. Как всегда. Хотя в последний раз мы с ним спали два года тому назад и поставили точку в наших отношениях, но это было лишь внешне. А внутри у меня все переворачивалось, когда я его видела, и хотелось кричать во весь голос от невыносимой боли. Я думала, что все с годами поутихнет. Но боль никуда не исчезала. И, похоже, я не знала, что с ней делать и как вообще со всем этим справиться.

Я включила музыку, и грустная мелодия Шаде поплыла

по квартире. Я на какое-то время отключилась и очнулась, только услышав требовательный звонок в дверь.

Я вскочила с кресла, смахнула выступившие на глаза слезы и накинула халат.

Вениамин был мрачен и суров. Ни слова не говоря, он прошел в комнату и остановился в ее центре:

– Ну что? Где этот ублюдок?!

– Умотал!

Он впился в меня глазами:

– Разыгрываешь?

– Ничуть...

Я стояла и кусала губы, чтобы не зареветь...

– Ладно! – Вениамин прошел обратно в коридор и разделся: снял черное кашемировое пальто и размотал шарф. – Есть дело.

– Я уже это слышала, – вяло откликнулась я. – Скоро Новый год... Вот и все дело...

– А при чем здесь это?

– А при том! – не выдержала я и взорвалась. – При том! Что у всех – семьи! Праздники, дети, елки, Новый год. А у меня – ничего! Понимаешь: ничего! Даже елки завалященькой я не купила. Чтобы не травить себя почем зря. Ты думаешь, мне легко встречать здесь Новый год? Показать, сколько бутылок я уже накупила? Запаслась. Так сказать, личными антидепрессантами, на всякий случай. А они мне завтра понадобятся. Ох как понадобятся! Показать? – распалилась

я.

– Не истери!

– Тебе легко говорить! Ты же во всем и виноват!

– Я? – Вениамин приподнял брови. – Ты меня ни с кем не путаешь?

– Нет. Ты посадил меня на свой крючок так плотно, что я не могу с него соскочить, как ни пытаюсь, – вот уже который год. Но все – безрезультатно. Всадил по самые гланды... Трепыхаюсь, трепыхаюсь. Да все напрасно...

– Я не всаживал!

– Как же! Кому ты сказки рассказываешь?

– Слушай! Я по делу.

– Это я уже слышала, – огрызнулась я. – И что?

– Сядь! – прикрикнул Веня. – Не мозоль глаза.

– Так я и послушалась, – но в кресло я села и запахла плотнее халат. – Говори!

– Когда надо будет – тогда и начну. – Он подвинул тяжелое кресло и сел напротив меня. – Дело серьезное, и слушай меня внимательно!

– Приготовилась.

– Ну вот и отлично. Завтра с утра ты летишь в Таллин. Разбираться с одной девчонкой.

Я подняла брови:

– Зачем?

– Хорошо, что не спросила: почему в Таллин? – усмехнулся Веня.

– Этот вопрос пойдет вторым в моем списке.

– Она сняла крупную сумму денег и похитила стратегически важную информацию для одного банка. Меня попросили этим заняться. И как можно скорее.

– Поди туда, не знаю куда. Найди то, не знаю что.

– Почти что так. – Веня открыл молнию папки и достал оттуда бумаги. – Вот она. Регина Лиховцева. Прошу любить и жаловать. Ознакомься в срочном порядке. Рядом с этой девочкой тебе в ближайшее время придется дневать и ночевать. Ты ее найдешь и вырвешь у нее ноги, откуда они там у этой Регины растут.

Я взяла в руки лист:

– Такой серьезный заказ?

– Угу! Серьезнее может быть только переворот в какой-нибудь республике Батантуту. Но на Батантуту заказов еще не поступало. А здесь – пожалуйста. Будь готов, как пионер на школьной линейке. Вопросы есть?

– Что она из себя представляет?

– А я почему знаю? Познакомишься с данными и составишь картинку. Это единственное, что я могу сказать. Там твоя легенда уже наспех подготовлена и состряпана. Все как полагается, чин по чину. Что еще?.. – Он призадумался. – Провожу инструктаж: как все это было. Двадцать девятого декабря она вышла из банка, как всегда, в конце рабочего дня, после своего начальника, Соболева Бориса Степановича. Перед этим она вскрыла сейф и взяла оттуда крупную

сумму денег наличкой и важные бумаги. Сумма предназначалась для одного из вице-президентов банка, собиравшегося купить виллу в Испании. Исчезли деньги – два миллиона евро, и важные бумаги. Регина Лиховцева прошла мимо охраны банка, и больше ее никто не видел. Она исчезла. В полицию руководство банка решило об инциденте не сообщать, расследовать все своими силами. Происхождение банковских денег, как ты понимаешь, требует некоей тайны. Да и эстонская полиция не очень-то охотно расследует такие дела. Тем более банк с сильной долей российского капитала. А к русским сама понимаешь как там относятся. Хочу также предупредить, что ты будешь там глотать эстонский национализм по полной. Они же считают русяков оккупантами.

Тебе нужно расследовать: что и как? И основательно потрясти шефа Лиховцевой, Соболева Бориса Степановича. Думаю, их отношения выходили за рамки служебных, как оно обычно и бывает в связке шеф – секретарша. Я пару раз виделся с Соболевым: он трусоват и трясется за свое место. Прощупай его. Наведайся к ней в квартиру: посмотри, есть ли там зацепки.

Я взяла в руки ее снимок и вздрогнула. На меня смотрела я! Нет, конечно, разница была: губы у нее были более пухлыми, и овал лица более круглым, кроме того, у меня не было такой роскошной гривы волос: черных, буйных. Но все же при первом впечатлении сходство было удивительным, и у меня перехватило дыхание:

– Это она?!

– Как видишь! Знойная девица.

– Ты ничего не замечаешь?

Он внимательно посмотрел на меня.

– Ты имеешь в виду ее сходство с тобой?

Я кивнула.

– Есть. Маленько.

– Маленько?! – взорвалась я. – Да она – моя копия! Что это значит?! У меня есть сестра? Или дальняя родственница?.. – Я замолчала, внезапно пораженная этим обстоятельством. Потом, подняв на него глаза, шепотом спросила:

– Веня! А у моего отца... не было до мамы... Нет, она могла меня! Значит, после... какого-нибудь романа на стороне? Ты же был лучшим другом отца?

Веня посмотрел на меня и резко выдохнул:

– Нет.

Я закусила губу.

– Ты его покрываешь, да? Веня, – шепотом сказала я, у меня почему-то резко сел голос. – От этого ничего не изменится. Моя любовь к ним... Господи! Их все равно уже нет. Все останется по-прежнему. Они – там. – Я приложила руку к сердцу. Мне было трудно говорить, в горле встал комок. – Веня! Я хочу знать!

– Слушай! Ты наворотила бог знает что! Бывает так, что люди похожи друг на друга. Случайно. И это – непреложный факт. А ты уже выдвинула далекоидущие версии в отноше-

нии собственного отца! Зачем, Ева?

Когда Веня произносил мое имя, обычно меня охватывало сильное волнение. Но не в этот раз.

– Все равно, странно это...

– Вся наша жизнь – странность. Хотя сходство, конечно, есть. Отрицать не стану. И отец твой был очень красивым мужчиной.

– Что ты хочешь этим сказать? – встрепелась я.

– Ничего, – резко выдохнул Веня. – Ровным счетом ничего. И давай закроем эту тему.

Я понимал его: они с отцом были лучшими друзьями, и если даже что-то и было у отца на стороне, какой-то роман, Вениамин не хотел посмертно предавать память моего отца. Так сказать, мужская солидарность. Но так ли это? В конце концов, действительно случается, что незнакомые люди похожи друг на друга. И этот факт трудно объяснить...

– Не надо ничего говорить... – сказал Веня. – Голову не ломай. Она у тебя одна. Поедешь, посмотришь, разберешься... – прибавил он после краткой паузы. – Да! Еще советую прихватить с собой парик, он тебе понадобится, когда ты будешь разговаривать с Борисом Степановичем и другими сотрудниками банка, чтобы твое сходство с Региной не бросилось им в глаза. А в остальное время парик не носи. Может быть, ты столкнешься с людьми, знавшими Регину? Таллин – город, по московским меркам, маленький. Вдруг повезет, и ты выйдешь на ее след скорее, чем предполагаешь!

– Ты прав. Бли-ин! – протянула я. – И Нового года – как не бывало. Что за жизнь такая? Куда-то я должна ехать. Мчать-ся, позабыв обо всем. А у всех нормальных людей – праздник...

– Работа! – Веня встал и подошел ко мне, засунув руки в карманы. – А что, я тебя отвлек от какого-то важного дела?

– Амур закончился, и мужичка я прогнала, – сказала я, вставая с кресла.

Веня резко повернулся и пошел в коридор.

– Правда, что ли? Когда ты так говоришь, я никогда не могу понять, то ли ты голову мне морочишь, то ли чистую правду излагаешь? Дурачишь меня, да?

– Любимое занятие...

– Эй, полегче! – И Вениамин, развернувшись, перехватил мою руку повыше локтя.

Я напряглась.

Его запах, такой родной, дурманивший, ударил в голову, и я разом обессилела. Мои ноги подкосились, я чуть не упала – и упала бы, если бы Веня не поддержал меня. Он довел меня до кресла и усадил.

– Сиди! Там будет лучше. На ногах ты уже не стоишь. После своего любовного драйва, что ли? Заездил тебя секс-мачо?

– По-твоему, я сделана из льда или других подручных материалов?

– Ева! – Он стоял и смотрел на меня сверху вниз.

– Что? – Мы не спали с ним уже два года, с того самого момента, когда он сказал, что нам лучше поставить точку в наших отношениях, потому что у них нет будущего и он не хочет мучить ни меня, ни себя. К тому же он не хотел больше обманывать Ларису.

Он наклонился надо мной, и я резким движением притянула его к себе. Этот поцелуй был долгим, нескончаемо долгим, я слышала биение собственного сердца. Оно буквально разрывалось на части и стучало: глухо, медленно...

Сладкий дурман накрывал меня с головой...

Но я неожиданно вырвалась из этого облака-дурмана – Веня с усилием освободился.

– Я поехал! – сказал он каким-то скучным голосом.

– Какой же ты все-таки трус...

Он потоптался какое-то время на месте, словно желая мне что-то сказать, но, так и не найдя нужных слов, промолчал – и ушел.

Я слышала, как хлопнула входная дверь, и с ясной беспощадностью поняла, что опять осталась одна. На что я надеялась, я и сама толком не знала. Вениамин был железным мужиком, и если он захотел поставить точку в наших отношениях, то к прошлому он уже не вернется – не тот у него характер. Но и ревность свою он любил демонстрировать при каждом удобном случае.

– Скотина! – сказала я вслух. – Ни нашим, ни вашим: собака на сене.

Он не хотел меня отпускать, но и возвращаться не соби-
рался. Самая удобная и поганая позиция: «Не доставайся же
ты никому!» и «Ты будешь всегда моей». Он знал, чувство-
вал, что своей власти надо мной не утратил ни на минуту и
ни на секунду. Более того, именно осознание этой власти и
давало ему силу. Какой же он все-таки подлец!

Я сидела и смотрела прямо перед собой невидящим взгля-
дом. Все то, от чего я раньше старательно бежала, вдруг слов-
но бы высветилось с ясной беспощадностью. Какие же му-
жики по жизни козлы! Прячут головы, как страусы, в песок
и всеми способами оправдывают себя, любимых. Они ниче-
го не хотят менять в своей жизни, их все устраивает: жена –
как старые, разношенные, удобные тапочки, к которым он
уже привык и которые являются частью привычной обста-
новки; быт, работа... Но иногда они сбегают от этой опосты-
левшей рутины и ищут маленьких приключений на сторо-
не. Заводят романы, любовниц... Так они подпитывают свое
мужское «Я», свое эго. А любовницы думают, что когда-ни-
будь они решатся уйти – к ним... Женщины – такие курицы
и всегда верят, даже тогда, когда факты – упрямая вещь! –
говорят им об обратном.

И мне надо научиться жить одной, без этих вечных под-
порок – мыслей о том, вернется ли ко мне Веня. И если бы
он даже вернулся, что это за жизнь украдкой – воровать у
судьбы минуты радости, как будто мы – мелкие воришки. И
к чему это приведет? Я так и состарюсь в этом треугольнике,

потому что Веня никогда Ларису не бросит. Он однажды так и сказал: «Лара – это моя судьба!» – «А я?» – спросила я тогда, глотая комок в горле. «А ты – мой любимый малыш!» – И он шутливо нажал пальцем на кончик моего носа.

Я – малыш! А она – судьба!

Я встала и пошла в кухню. Почему-то мне ужасно захотелось есть: на меня напал прямо-таки волчий аппетит, и я ничего не могла с этим поделать...

На подоконнике лежала на большом блюде курица-гриль. Я опустилась на табуретку и принялась за еду.

Выпив чаю, я решил пойти спать: глаза мои слипались от всего пережитого за сегодня. Олег, потом Веня... И вдруг сон как рукой сняло! Мне же завтра вылетать! Веня даже не сказал, во сколько: я сама, получается, должна разбираться с этим! Скинул мне задание – и все... Я поставила электрический чайник и направилась в комнату. Подняв с пола пакет, я нашла в нем билет. Вылет в пятнадцать часов. Значит, у меня есть еще время... я смогу посмотреть сброшенные мне материалы.

Регина Лиховцева... двадцать пять лет... секретарь банка «Русбалтвест».

С фотографии на меня смотрела Лиховцева – молодая темноволосая женщина с полными чувственными губами. Красотка, которая решила удрать с банковским капиталом – обеспечить себе, так сказать, безбедную жизнь. Два ляма «зеленых» – неплохая прибавка к пенсии... пособие на кра-

сивую жизнь...

Я перелистала дальше... Биография. Я лечу в Таллин как сотрудница Владимира Гарбера, председателя правления «Русбалтвеста». По его личному заданию: расследовать это дело до конца и найти Регину Лиховцеву. И, соответственно, все сотрудники банка должны мне оказывать сильную помощь в моих поисках.

Я потеряла виски. Да, работенка предстоит муторная. Это точно, Регина Лиховцева, скорее всего, уже бесследно растворилась, уехала в неизвестном направлении. Во всяком случае, я бы на ее месте поступила бы именно так. Ну почему она все-таки так похожа на меня? Почему?..

Я то отодвигала фотографию от себя, то придвигала ее поближе. Сходство было налицо. Покрывал ли Веня моего отца или все-таки это случайное совпадение?

Я включила комп и набрала в поисковике: «Бывает ли так, что незнакомые люди похожи друг на друга?»

Интернет выдал мне кучу материалов, где люди писали о том, что им случалось сталкиваться со своими двойниками. И они очень удивлялись этому обстоятельству. Значит, такое явление имеет место быть. Вероятно, здесь – тот самый случай. И все же какая-то червоточинка терзала меня. Мои родители были счастливой семейной парой и очень любили друг друга. С распадом СССР они, кадровые разведчики, были уволены и только через несколько лет устроились на работу в службу безопасности крупного банка. Точнее, им по-

мог туда устроиться Веня. Если бы не та ужасная авария, они бы до сих пор счастливо жили друг с другом.

Я закрыла глаза, и по моему телу прошла судорога. Я помнила тот момент так живо, как будто это случилось вчера. А ведь с той поры прошло уже девять лет!

Я была дома, родители гостили на даче у друзей. Утром они должны были вернуться домой. Они специально решили не ехать вечером и ночью, чтобы не попасть в пробки или в аварию по гололедице. Вечером, когда водители спешат или нетрезвы, шансы наткнуться на лихача выше, чем утром. Они все предусмотрели и решили выехать в шесть утра.

Вечером мама мне позвонила, спросила, как дела, и сказала, что у них все в порядке, утром они выезжают. Я тогда училась на первом курсе института и радовалась возможности побыть одной. Я врубила музыку на полную катушку и танцевала, пила джин с тоником, дурачилась. Словом, отрывалась по полной... Легла спать я уже под утро. Звонок раздался в семь утра. Чужой металлический голос сообщил мне, что мои родители разбились на семьдесят пятом километре от Москвы, сказал, чтобы я выехала туда. Я ничего не слышала, слова доходили до меня как сквозь толщу воды, онемевшими пальцами я сжимала трубку и ощущала лишь ужас, поднимавшийся откуда-то из глубины моей души. Нет, нет, этого не может быть! Это не мои родители! Это говорится не о них! Это о каких-то других чужих людях... Сейчас мне скажут, что позвонили не туда и ошиблись номером.

– Вы меня слышите? Алло! Алло! – гудел мужской голос.

Я не помнила, как я выехала, как добралась до места аварии и как потом тупо смотрела на машину (вернее, на то, что от нее осталось), врезавшуюся в дерево. Это была крепкая сосна, машина задела росшую рядом рябину, и красные гроздья, рассыпанные на белом снегу, выглядели как капли крови. Я с тех пор не могла видеть рябиновые деревья, у меня сразу во рту появлялся неприятный привкус и начинала кружиться голова.

А потом... для меня наступило полное беспамятство. И если бы не Веня, я вряд ли выкарабкалась бы из того омута – оцепенения, – куда я медленно погружалась. Веня спас меня. А потом и погубил...

Я резко тряхнула головой, отгоняя воспоминания, и почувствовала во рту вкус непролившихся слез. Эта трагедия всегда была со мной, она меня не отпускала...

Спать уже не хотелось, и я решила с толком использовать время, изучить материалы и узнать, что это за девица, скрывшаяся с деньгами банка. Веня брался за любые задания: он частенько говорил, что контора не должна простаивать, а мозги нуждаются в постоянном тренинге. Он подчеркнул, что мое задание – не из легких, стало быть, мне придется попотеть. И угораздило же эту Регину удрать с деньгами накануне Нового года! А с другой стороны – все логично и понятно. Накануне Нового года, когда все немного расслаблены и заняты предстоящими праздниками, самое время, что-

бы улизнуть незамеченной. Но как это случилось? Я не сомневалась, что в материалах, которые мне предоставил Вения, будет самый подробный отчет по этому делу. Лучше всего изучить этот отчет сейчас, по горячим следам. Завтра мне уезжать, и неизвестно, окажется ли у меня время просмотреть этот доклад.

Работает всего полгода! Хм! Маловато... Получается, что... в голове моей вертелась какая-то мысль. Я просмотрела досье на начальника Лиховцевой, Соболева Бориса Степановича. Один факт зацепил мое внимание: его дочь заканчивала в следующем году школу. Наверняка ему требуются большие деньги на ее дальнейшее обучение. А если он решил отправить ее на учебу за кордон, как это сейчас модно, то бабки ему понадобятся очень серьезные. Он мог быть с Региной в доле. Во всяком случае, с ходу я бы такую версию не отмела...

Меня клонило в сон. Я решила просмотреть до конца материалы на следующий день, а сейчас лечь спать. Утром мне еще предстоит собираться в авральном темпе. Немного подумав, я поставила будильник на восемь утра. Итого – я взглянула на часы, висевшие на стене, – мне оставалось спать всего шесть часов.

Отель в Таллине, где я поселилась, находился в центре города, в старинном трехэтажном доме. Я разместилась в номере, поставила чемодан в коридоре, сумку с ноутбуком по-

ложила на стол и спустилась в холл. Был предновогодний вечер, и мне не хотелось сидеть в номере, тем более в чужом городе. Напротив, мне хотелось потолкаться среди людей и хоть как-то приобщиться к празднику, раз уж я была на нем явным аутсайдером. Было уже девять часов вечера, через три часа пробьют куранты.

Народу на улицах было не очень много; во всяком случае, намного меньше, чем в Москве в это время суток. Наверное, семейные эстонцы уже сидят за столом и смотрят свои развлекательные программы, а на улицах толкаются в основном туристы или неприкаянные люди, которым некуда деваться в праздник.

Таллин был чистеньким, типичным европейским городом. Мне он напомнил Прагу: трех- и четырехэтажные старинные разноцветные дома, стены их подпирают друг друга. Первые этажи были отданы под магазины, многие из которых уже были закрыты, а свет старинных кованых фонарей придавал городу уютную камерную обстановку.

Немного побродив по центру города, я вышла к симпатичному кафе, над вывеской которого висела пушистая елочная гирлянда с шишками и круглыми золотистыми и красными шарами. В кафе играла приятная музыка. Именно эта расслабляющая томная музыка – какой-то старый американский блюз – и подтолкнула меня зайти.

Потянув на себя тяжелую дубовую дверь, я оказалась в помещении, отделанном темным деревом. Столиков было

немного – шесть или семь, все, кроме одного, были заняты.

Этого мужчину я увидела сразу. Он сидел за столиком в углу и хмуро смотрел на улицу. Во всем его облике читалось презрение к окружающим и еще – осознание собственной внутренней силы. «Плевать я хотел на вас, – говорил его надменный вид. – Я-то попал сюда случайно, мое место – в ресторане на Эйфелевой башне в Париже, и поэтому я всего лишь терплю вас, вы для меня – мусор и полнейший отстой, и отношусь я к вам соответственно».

Это был нордический блондин, как назвала я его про себя. Со светлыми волосами, не доходившими до плеч, и носом с легкой горбинкой.

Мне был виден его профиль; при моем появлении мужчина даже не повернул головы, весь был в своих думах, как и полагается секс-мачо, знающему себе цену.

Я села за свободный столик неподалеку от него и взяла меню, в котором я ничего не понимала. Оторвавшись от меню, я вновь посмотрела на мужчину. С такими типами я сталкивалась и раньше. Это были холеные красавцы, думавшие исключительно о себе и о своих удовольствиях. И женщина была им нужна лишь как фон для беседы или как способ получить секс-разрядку. Они ничего никогда не обещали, всех рассматривали только как «приложения» к себе, любимому, и твердо полагали, что за счастье находиться в их компании можно отдать многое. Если не все. Они способны перешагнуть через тебя, не задумываясь, просто потому, что по-дру-

гому они и не умеют. Я старалась обходить таких секс-героев за три версты, чтобы не обжечься лишний раз и уберечь свои нервы.

Я вздохнула и перевела взгляд на окно. На улице было темно, и этот мирный тихий городской пейзаж за окном был исполнен очарования и уюта, который можно найти только в европейских городках, где старательно вылизывают улицы до зеркального блеска и каждый сантиметр городской площади украшают, холят и лелеют.

Правда, это не совсем Европа, а наша бывшая «колония» или братская республика – Эстония, но сейчас это был уже вполне европейский город, и я предвкушала ночную прогулку по его узким улочкам и по городской площади, легчайшую морозную пыль в воздухе и собственное дыхание – облачко, которое появляется, когда ты выдыхаешь на сильном холоде.

Я заказала бокал глинтвейна и пирожное. Именно эти маленькие радости, глинтвейн и пирожное, обсыпанное шоколадной крошкой, заставили меня настроиться на элегический лад. Я вдруг непонятно почему подумала, что меня ждет яркий вечер. А может быть, я просто очень сильно хотела отвлечься, погрузиться в другую жизнь, избавиться от своего одиночества, и мне показалось, что я могу это сделать?

От этих размышлений меня отвлекла официантка:

– Вам подать что-то еще? – спросила она на плохом ан-

глейском.

– Нет. Спасибо, – пробормотала я, утыкаясь в бокал с глинтвейном.

Она улыбнулась холодной заученной улыбкой и отошла.

Я представила себе сегодняшний вечер в одиночестве, и он вдруг неожиданно померк. Так бывает, когда что-то уж очень радужное рисуешь в воображении, а потом словно включается какой-то рубильник – и мир, который еще совсем недавно, пару минут назад, был ярким, переливающимся всеми красками, становится уныло-серым. Я тряхнула головой. Наваждение не проходило.

Я перевела взгляд на мужчину. Он сидел и смотрел в окно; внезапно он нахмурился и посмотрел на меня. От неожиданности я вздрогнула и, придвинув бокал с глинтвейном, обхватила его обеими руками, как будто пытаюсь согреться.

Он посмотрел на меня, лениво сощурившись, и вновь перевел взгляд на окно.

Я пыталась представить себе, кто этот мужчина, и вообразить его биографию, как когда-то учил меня Веня, мой шеф, учитель и мучитель в одном флаконе.

Закрыв глаза, я стала «рисовать» его жизнь: сейчас он холост, если и был женат, то очень давно, так давно, что само воспоминание об этом у него выветрилось. А теперь он свободен, аки волк в лесу, и гуляет сам по себе – красивый волк-одиночка... Я замерла и посмотрела на сидевшего в углу мужчину более пристально. Почему мне вдруг в голову

пришло это слово – красивый? Почему? Раньше я называла мужчин мужественными, симпатичными, надежными и даже милашками. Было в моем лексиконе и такое слово. Но красивыми я их не называла. Никогда. Что в нем красивого? Я же помнила классическую присказку, что мужчина должен быть чуть покрасивее обезьяны. То есть красота настоящему мужчине вроде бы и ни к чему. Даже Веню я никогда не называла красивым...

Наверное, все дело – в его надменности и потрясающем взгляде. Сверху вниз – на всех. Это цепляет, интригует. «Сукин сын», – внезапно тихо выдохнула я – и сама испугалась своих слов: не подслушал ли кто-нибудь?

А следующий пункт его биографии? В смысле работы? Я открыла глаза и опять уставилась на мужчину. Он словно почувал мой взгляд и с вызовом посмотрел на меня, решив, что я флиртую – одинокая женщина сидит в кафе и пожирает мужчину глазами. «Непорядок, Ева! – приказала я самой себе. – Прекрати! Тебе нет до него никакого дела, у тебя есть вполне конкретное задание в этой командировке, и ты вполне можешь прекратить мучить себя догадками. Просто представь, что он просто не существует... Сдался он тебе, в конце концов...» Я отвела глаза и уставилась в бокал.

Я быстро съела пирожное, таявшее во рту, и отпила несколько глотков глинтвейна. Скорее всего, он банкир, решила я про себя. Почему же, милочка? – возразил мне внутренний голос. Только потому, что у него дорогие наручные

часы?

Банкиры все-таки выглядят немного по-другому, более нудными, что ли. Он не похож на зануду.

А вдруг он... спортсмен? Ну нет, у спортсменов все-таки с ай-кью плоховато. Этот на дебила не похож... Преподаватель из универа? Вряд ли... Менеджер фирмы по производству чего-то там... От труб до детских памперсов... Но может, у него серьезное дело? В промышленности или в энергетике? А здесь он просто в командировке. Похож, однако, на местного. Хорошо, а если он – врач?

Я вздрогнула: вот уже в третий или четвертый раз его глаза остановились на моей персоне. С чего бы это? Или его раздражает, что я тоже на него смотрю? Вряд ли я привлекаю его как женщина... Я посмотрела на свои руки: от мороза они немного покраснели и обветрились, я забыла перчатки в номере, и руки стали шершавыми. И еще я вылетела из номера как-то наспех и не успела привести себя в порядок – как следует накраситься, сделать вечерний мейк-ап.

Обычно я не выхожу никуда без минимального макияжа – это уже привычка. Но я торопилась выйти в город до наступления полной темноты. Хотя программа-максимум была – спать. А минимум – пройтись, несмотря на то, что глаза у меня слипались и хотелось завалиться, не раздеваясь, на кровать, накрытую бежевым покрывалом с маленькими ромбиками, но все-таки я себя пересилила и отправилась на прогулку по городу.

Наши глаза вновь встретились. Я невольно смутилась: получается, что я все-таки с ним заигрываю, он уже, поди, решил, что я готова прыгнуть к нему в койку. И зачем мне это надо? Я перевела взгляд на бокал. Кажется, пора мне допивать и уходить отсюда. Допив глинтвейн, я расплатилась с официанткой и поднялась со стула. Моя черная куртка висела на вешалке в углу, и, сделав несколько шагов по направлению к ней, я боковым зрением увидела, что мужчина все-таки опять смотрит на меня, и это принесло мне некое чувство удовлетворения. Я немного потешила свое женское самолюбие, которое в последнее время находилось на угрожающе низкой отметке.

Ага, ты на меня смотришь, значит, я тебе нравлюсь, невольно хмыкнула я про себя и, попав со второго раза в рукав куртки – наверное, все-таки из-за легкого волнения, – замоталась сине-бирюзовым шарфом и вышла в маленький коридорчик. Дубовая дверь с трудом подалась, и, выйдя на мороз, я невольно поежилась – там, в кафе, было тепло и уютно. На улице мела легкая поземка, морозец пощипывал лицо.

Впереди простиралась узкая улочка, где дома належали один на другой, как бы подбоченившись. Я подняла воротник куртки и услышала:

– Девушка!

Резко обернувшись, я увидела мужчину, «Того-Кто-Сидел-В Углу». Он торопливо застегивал на ходу замшевую

куртку и сердито встряхивал головой.

– Девушка, подождите!

– Да? – против воли мой голос прозвучал хрипло.

– Вы торопитесь?

«Это он так клеится?» – мелькнуло у меня в голове. «Вы торопитесь или нет?..» То есть располагаю ли я свободным временем? Я остановилась и поправила на плече сумку:

– Вообще-то – да.

Почему-то мне показалось, что он смеется надо мной или считает легкой добычей. Вот сидела молодая женщина в кафе, в одиночестве. Ясно, что под Новый год, когда все ездят вместе со своей семьей на отдых, женщина эта – без спутника. Скорее всего, она безнадежно одинока и будет рада любому мужскому вниманию. Кроме того, я читала в одном женском журнале, что у женщины без мужчины в глазах заметна тоска...

Я подняла на него глаза. Надеюсь, мой взгляд был достаточно строгим и даже сердитым, потому что в голосе мужчины неожиданно появились бархатные нотки:

– Скажите, пожалуйста, у вас не найдется свободного времени?

Типичная песенка, усмехнулась я. Сейчас прозвучит фраза: «А не могли бы вы скрасить мой досуг?» или что-то в этом роде...

– И что? – теперь в моем голосе прозвенел металл.

– Ничего, – кривая усмешка исказила его лицо.

На узкой улочке царил полумрак. Впереди и позади меня горели фонари, но здесь – в середине – был полумрак, исключая теплый матово-сливочный свет, разливавшийся кольцом над еловым венком.

В темноте его лицо приобрело очертания демонически-угрожающие, инфернальные. Глаза словно провалились и казались бездонными глазницами. Он стоял напротив и словно гипнотизировал меня. Мы молчали. Пахло апельсинами и хвоей. Я потянула носом: этот колдовской рождественский запах исходил от него. Надо скорее кончать с этим наваждением! Зачем мне все это, вяло подумала я.

– Простите, мне надо идти, – проговорила я почти скороговоркой. – Я тороплюсь.

– Чушь! – фыркнул мужчина. – Никуда ты не торопишься!

Его нагло-бесцеремонное «ты» поразило меня до глубины души. Я шагнула назад и прищурилась, собрав в кулак всю свою волю.

– Мы с вами на брудершафт не пили и на «ты» не переходили, – сказала я довольно-таки резко.

– Ну, так перейдем. В чем дело? – теперь голос его был лениво-тягучим. Он стоял напротив, засунув руки в карманы, и ждал. – Я предлагаю свою компанию на сегодняшний вечер. Чем плохо-то?

– Вы же слышали. Я отказываюсь... мне не нужна никакая компания. Я приехала сюда по делу...

– Одна! – поднял он вверх указательный палец. – В но-

вогодние праздники не очень-то хорошо оказаться одной на улицах незнакомого города.

– С чего вы взяли, что я впервые здесь? Может быть, я здесь живу!

Мой ответ его смутил. Но – только на секунду.

– Сдаюсь. – Он шутливо поднял вверх руки. – Вы за словом в карман не лезете. Как вас зовут? – Он опять перешел на «вы».

– Это уже явная пошлость!

– Спросить: «Как тебя зовут?» Что вы, девушка! Я полон самых чистых намерений. – Он прижал руки к груди. – Давайте побродим по городу вместе и решим проблему вечернего досуга.

– Вам нечем заняться?

– Слава богу! – он заразительно рассмеялся, показав крепкие белые зубы. – Наконец-то вы поняли. Нечем! Абсолютно. Подышаю, пардон, со скуки, и только вы можете скрасить мой досуг! Не откажитесь! Девушка! Убедительно прошу вас! – Его тон, эти слова как-то не вязались с обликом записного плейбоя, и я нерешительно замерла.

Он, видимо, почуяв мою нерешительность, сделал шаг навстречу и шутливо протянул руку:

– Будем знакомы! Андрис!

– Ева! – Я тоже протянула руку, и он схватил ее и энергично потряс.

– Ева-прародительница!

Я криво улыбнулась. Все время слышу эту шутку, она уже порядком мне надоела.

– ...И многие вам говорили об этом, – хохотнул мой новый знакомый. – И вам это уже порядком надоело.

«Он что, читает мои мысли?» – с недоумением подумала я.

– Считаваю мысли! – и Андрис постучал себя по лбу. – Здесь у меня – мыслительный процессор. Считаает мысли моментально. На счет «два». Так что не пытайтесь меня обмануть.

– Я и не пытаюсь! – вырвалось у меня.

– Вот и славненько! – Он взял меня под локоток. – Скажите, у вас нет сестры или близкой родственницы?

Я замерла: может быть, он видел Регину Лиховцеву в этом кафе или на таллинских улицах? Таллин по сравнению с Москвой – город небольшой, и если он местный, то мог столкнуться где-нибудь с Региной. И запомнить ее.

– Нет, – буркнула я, утыкаясь носом в шарф. – Никаких родственников. Ни дальних, ни ближних.

– Жаль!

– Почему? – встрепелась я.

– Просто так. С родственниками всегда проще. Помогут, подскажут, совет дадут...

– Навалят проблем, ощипят как липку, – в тон ему продолжила я.

– Не без этого.

– Скажите, я вам кого-то напоминаю?

Он отвел взгляд в сторону.

– Нет. А почему вы так решили?

– Вы же спросили про родственников.

– Показалось. Иногда бывает – встречаешь человека, а потом думаешь: где я его видел раньше? Но если принять за гипотезу, что мы все произошли от обезьяны и все пережились, перемножились и пересеклись за всю историю человечества – и не раз, – то фактор наличия у всех людей дальних родственников исключать нельзя. Так же, как и похожести. Сейчас мы выйдем из переулочка и пройдемся по площади. Как вам город? Впечатляет?

Я кивнула.

– Ну и отлично! – пропел он. – Прогуляемся! Погодка хорошая... Морозец. Люблю зиму. А вы?

– Не очень. Лето люблю больше...

– Не скажите! Зима! Снежок хрустит, как кочерыжка... Зимние ели с тяжелыми лапами... Лыжи, наконец... классно!

Голос его гудел. Обволакивал. Странное чувство тревоги поднялось в моей душе, и я даже не могла понять: откуда оно взялось? Тревога буквально впивалась в мозг и готова была взорваться дичайшей головной болью. Я сделала несколько шагов и остановилась.

– Что такое? – удивленно сказал мой спутник.

Зазвонил телефон. Это был Веня. Наверное, он хочет

спросить, как я, и заодно поздравить с наступающим Новым годом. Отстреляться, так сказать...

– Одну минуту, – кивнула я Андрису. – Сейчас...

В одном из домов была арка-подъезд с козырьком, и я подумала, что могу без помех переговорить там. Я уже шагнула в том направлении, как вдруг...

Все дальнейшее было как в плохом сне...

Откуда-то из переулка показался мотоцикл, мотоциклист был одет во что-то темное, в шлеме на голове. Он ехал на нас на полной скорости. Я резко дернулась в сторону, раздался звук выстрела, и я, охнув, вжалась в дверь; Андрис молниеносно провел ключом по панели домофона, и дверь с писком открылась. Почти одновременно мы с ним влетели в подъезд, тяжело дыша. Все это заняло всего лишь несколько секунд. А мне показалось, что целую вечность. И я чуть не упала, если бы меня не поддержала крепкая мужская рука.

– Что вы...

– Молчите! – почти одними губами прошептал он. – Молчите...

– Что такое?!

– Вас только что хотели убить... Вы понимаете это?!

– Да... – Я прижала к груди сумку.

Если бы не он, я бы сползла на пол, но Андрис подхватил меня:

– Прекратите!

– Что?..

– Вы сейчас впадете в истерику! Держитесь!

В голове моей что-то стреляло и шумело, и казалось, конца-края не будет этой пытке.

– Здесь стоять не очень удобно. Вот что, поднимайтесь ко мне. Посидите и отдохните какое-то время. Вы никуда не торопитесь?

Я качнула головой.

– Тогда – за мной. Посидите немного, чайку попьете и придете в себя. Вам такой вариант подходит?

– Подходит, – прошептала я. – Что это было?

– А вы не видели?

– Видела!

– Вас пытались убить! – повторил он.

– Да, – сказала я тупо. Наверное, все это очень красиво выглядит в кино: наезд мотоциклиста, неожиданное спасение, мужчина-рыцарь рядом, – но никак не в реальности.

Я подняла глаза на Андриса.

Его лицо расплывалось передо мной...

– Мне... Плохо...

Он понял, подхватил меня и поднял на руки. Внезапно четкость зрения восстановилась, и я близко-близко увидела его глаза: светло-серые, с холодным блеском.

Он поднимался по лестнице, неся меня на руках.

– Мы куда?..

– Я же сказал: ко мне.

Красивая лестница уходила на третий этаж. Пахло манда-

ринами и хвоей. Это его запах? Или это запах предновогоднего Таллина?

Поднявшись на третий этаж, он остановился перед дверью с номером семнадцать.

– Вот мы и пришли. – Андрис спустил меня на пол и, достав из кармана ключ, вставил его в замок и повернул два раза. – Ничего, – сказал он, словно вновь читал мои мысли. – Посидите немного и пойдете по своим делам...

– Ну да! – сказала я и прибавила: – Спасибо.

Дверь открылась. В коридоре было темно, но откуда-то просачивался слабый свет.

– Оставил ночник гореть. Думал, что выйду ненадолго.

– Я нарушила ваши планы?

– Нет, что вы. Это я их нарушил сам. – Он щелкнул выключателем, и коридор озарился мягким рассеянным светом. – Прошу! Чай, кофе, плюшки с медом. Свеженькие, только сегодня испеченные.

– Вы готовите?! – поразилась я.

– Что вы? У меня есть домработница. Вот она и печет. Готовит обалденно. Я ее ни на одного супер-пупер-повара не обменяю. Кстати, рекомендую.

– Вряд ли. Я тут человек... мимолетный.

– Мимолетный – это как?

– Туристка.

– А... я так и подумал, – почему-то с удовлетворением сказал он. – Хотя вы и пытались это отрицать.

– Почему подумали?

– А просто так, – усмехнулся он. – В зимнее время много туристов посещает наш город. Зимний Таллин, видите ли, удивительно красив. – Эти слова он произнес с легкой иронией, как будто сам сомневался в сказанном. – Вот и валят к нам толпы туристов. Вы не исключение. Увидели рекламу, картинки и решили сюда приехать.

– Не совсем так. – И я тряхнула головой.

– А как? – Мне показалось, что в голосе моего нового знакомого прозвучала настороженность.

Я закусила губу: откровенничать мне совсем не хотелось.

– Просто решила отдохнуть, – скороговоркой произнесла я, разматывая шарф. – Я могу сюда повесить свою куртку?

– Вешалка для того и предназначена.

Он протянул руки и помог мне снять куртку.

– Спасибо. Вы очень галантны.

– Отнюдь. Это на меня зимний Таллин подействовал. И ваша беспомощность. И еще этот ужасный мотоциклист, весь в черном. Поневоле станешь галантным. – Он быстро снял пальто и махнул рукой: – Идемте в кухню. Или на чердак?

– На чердак? – удивилась я.

– Там уютно, – заговорщически сказал мой спутник. – Я очень люблю сидеть там!

– Не знаю, – нерешительно протянула я. – Никогда не гуляла по чердакам. Давайте в кухню.

– Как хотите.

Кухня была небольшой, но очень уютной.

Деревянная мебель, сувениры на стенках... В глаза бросилась длинная соломенная кукла в вышитом переднике.

– Национальный оберег, – сказал мужчина, – сувенир на добро, богатство дома и так далее. Чай, кофе, глинтвейн?

– Глинтвейн я уже пила. Давайте чай.

Все мне казалось нереальным. Как во сне. И мотоциклист тоже. Кто-то прознал о моем приезде, и это ему сильно не понравилось? Но кому? Кто-то покрывает Регину? Как произошла утечка информации из службы безопасности? Надо обязательно сказать об этом Вене! Я передернула плечами.

– Замерзли? – моментально откликнулся Андрис. – Сейчас отогреетесь.

– Нет. Просто это нападение... – Я мучительно потерла лоб. – Кому это понадобилось?

– Это уже надо спросить у вас. Кому вы насолили? Тайные враги? Конкуренты? Или вы похитили большую сумму денег и решили рвануть в Европу? Или собираетесь похищенные деньги положить на счета эстонских банков?

– Фантазия у вас богатая!

Но мне стало не по себе.

– А вдруг это просто пьяный решил покуражиться!

– Пьяный! И зачем-то выбрал именно меня?

– Так я и говорю: за вами числятся какие-то грехи? Покопайтесь хорошенько в своей жизни.

– Нет у меня грехов! – От возмущения мой голос зазвенел.

– Тогда – пьяный.

– Вы издеваетесь! – с досадой сказала я. – Над бедной и беспомощной девушкой, ставшей жертвой нападения эстонского маньяка.

– Что-то раньше ничего не было слышно об эстонских маньяках, нападающих на своих жертв на мотоцикле. Ничего.

– Все когда-то случается в первый раз...

– Совершенно верно. Ваша мудрость ставит меня в тупик. Чай скоро будет готов. По оригинальному рецепту. Не подождете, пока я поколдую?

В его голосе слышалась ирония.

– Мне, собственно, идти некуда.

– Вы еще нигде не устроились?

«Господи! Он еще подумает, что я к нему на ночлег набираюсь! Только этого мне и не хватало!»

– Нет-нет. С гостиницей все в порядке. Я имела в виду эту ситуацию... этот момент, – промямлила я. И замолкла.

Я сидела на стуле с высокой спинкой и смотрела на куклу в расшитом переднике. Она была сделана в виде веселой девчонки с торчавшими в стороны косичками, перевязанными красными бантиками, и чуть вздернутым курносым носом. И еще у нее была задорная улыбка, смотрела она так, словно говорила: «А жизнь-то чудесна!»

Он перехватил мой взгляд:

– Нравится?

– Да, – я тряхнула головой. – Но на литовку или эстонку она не очень-то похожа.

– А она – наша, российская. Я купил ее в Твери, у одной бабульки. Так она мне понравилась, что я и решил ее купить.

– Вы русский? – спросила я и тут же почему-то устыдилась. – Вы ничего такого не подумайте...

– Я ничего такого не подумаю... – передразнил он меня. – Нормальный вопрос. По типу: «наши – не наши»? Я наполовину русский. На четверть латыш и на четверть цыган.

– Цыган?

– Не похож? – и мужчина почему-то подмигнул мне.

– Ничутьточки!

– Значит, другие крови постарались. Я и сам этому не очень верю. Коней не краду, не безобразничаю, на картах не гадаю.

– Жаль! – вздохнула я.

– Чего жаль! – откликнулся он.

– Что не гадаете.

– А зачем вам это, барышня?

– Просто так! Хотелось бы знать, что меня ждет дальше?

– Вы и в самом деле этого хотите?

– Увы!

– А зачем?

– Как – зачем? – Я вздрогнула. Вспомнился Веня. И наши отношения: яростно-мучительные, приносившие мне столько боли и обид. Но сейчас я подумала об этом отстраненно,

словно они остались в какой-то другой жизни и были отделены от сегодняшнего дня тысячью световых лет.

– Чай готов! – Мой спаситель объявил это таким тоном, словно провозглашал открытие парадного обеда у английской королевы. – Только есть маленькая поправочка!

– Какая?

– Лучше все-таки пить его не здесь. А на крыше... Точнее, под крышей. Поднимитесь, и вы все увидите своими глазами – эту красоту, ночной Таллин, звезды! Когда я покупал эту квартиру, соблазнился чердаком, мне показалось это очень романтичным: иметь квартиру с доп-площадью в виде чердака. Или как это называют в России – мансарда? Ну, так идем?

– Спасибо.

– Спасибо как «да» или как «нет»?

– Как «да!» – сказала я, поднимаясь со стула.

– Стоп. – Он поднял руку. – Подождите немного. Я сейчас кое-что там приведу в порядок, а потом спущусь за вами. Идет?

Ликвидирует там следы пребывания другой женщины, усмехнулась я. Поступает как типичный мужчина, ну-ну!

Он взял высокий стеклянный кувшин, куда налил горячий чай, две чашки, поставил все это на поднос и пошел наверх.

Через несколько минут спустился и кратко бросил:

– Пойдемте!

– Куда идти-то? В поднебесье?

Он посмотрел на меня с улыбкой, которая, впрочем, почему-то быстро пропала:

– Почти!

Пять лет тому назад...

Последний год учебы в институте запомнился мне тем, что я вдруг оказалась в странном одиночестве, чего никак не ожидала. За плечами была пара пустых романчиков, по-друг у меня не было, и вечера я проводила в основном дома. Неожиданно я стала домоседкой – поневоле. Особой душой компании я никогда и не была. Но первые три курса были хотя бы изредка наполнены вечеринками, походами в кино и кафе. Оборвалось все это ближе к четвертому курсу. Многие девчонки повыскакивали замуж или обзавелись постоянными бойфрендами и откололись от студенческой жизни. К пятому курсу я уже осталась фактически одна и проводила вечера дома, играя в компьютерные игры.

Дядя Веня, как я его называла, пожаловал без звонка, без уведомления. Обычно перед приездом он всегда звонил. Примерно раз в месяц он приезжал ко мне и давал краткие наставления насчет моего житья-бытья, попутно интересуясь: чем я живу и что делаю. Я старалась поскорее закончить эти разговоры, так как похвастаться мне было нечем. А выслушивать лишний раз нотации – недосуг.

Поэтому, увидев его в глазок, я обреченно выдохнула:

– Опаньки, – и почему-то пригладила волосы.

Открывать дверь мне не хотелось, но я услышала твердый Венин голос:

– Ева! Открывай!

Я распахнула дверь.

Веня был, как всегда, подтянут и свежевыбрит, от него приятно пахло мужским одеколоном. Ему было сорок пять или сорок шесть лет. Ежик волос, цвет – «соль с перцем» – и умные карие глаза.

– Дрыхла? Непохоже...

– Сидела за компом, – призналась я.

– Глаза усталые, покрасневшие. Не доведут тебя до добра эти посиделки. Чем еще занимаешься? – Дядя Веня бросал эти вопросы отрывистым кратким тоном, раздеваясь на ходу. Он ловким движением сбросил куртку и повесил ее на вешалку. – Еще и неряха. – И он провел пальцем по полочке, на которой стоял телефон. – Развела пылицу! Я бы свою Ларису за такую пылюку за Можай загнал бы.

– Это случайность, – пробормотала я. – Так получилось... Везде убралась. А здесь забыла.

Веня прошел в маленькую кухню и критическим взглядом осмотрел ее, задержавшись на посуде, сваленной в раковину. Посуду я не мыла уже три дня. Сама не знаю, почему: просто складировала тарелки – и все, отодвигая это дело на «завтра». А «завтра» все так и не наступало.

Веня промолчал, только тяжело вздохнул.

– Так и живешь? – подытожил он.

Я кивнула, хотя в горле у меня встал комок и душили слезы. Он мгновенно понял мое состояние и резким рывком привлек меня к себе.

– Ну-ну, маленькая, не надо. Ты знаешь, какой сегодня день?

Я кивнула.

– Думал заехать к тебе, посидеть. Извини за выволочку. Я, кстати, водочку привез.

– У меня тоже есть.

– Выпиваешь?

– Иногда, – вспыхнула я. – Но очень редко.

– А вот этого делать совсем не надо. Женский алкоголизм, как ты знаешь, неизлечим. И нянчиться с тобой по этому поводу я не стану. Выпору, несмотря на возраст, и все. – Взгляд его стал жестким. – Все поняла? Ладно, давай помянем. Чем гостя кормить-то будешь? Или у тебя есть лишь «классика холостяка»: яичница с колбасой?

Стыдно признаться, но именно этот набор и присутствовал в моем холодильнике. Ну, еще сыр.

– Есть копченая колбаса и сыр.

– И яйца?

– И яйца.

– Тогда голодным я точно не останусь, – улыбнулся Вениамин. – С тобой не пропадешь. – И он заговорщически подмигнул мне.

– Так еду готовить или нет?

– Приготовь. Только немного. Я же много не ем, ты знаешь.

Я кивнула. Несмотря на то, что Веня был скорее плотным, нежели худым, ел он действительно мало, и жена Лариса часто называла его «малоежкой». Он не обижался, только издавал краткий смешок, больше похожий на фырканье.

– Одно яйцо. Половинка ломтика колбасы и бутерброд с сыром, – отрапортовала я. – Сгодится?

– Угу. – Он сел за стол и слегка пристукнул по нему кулаком. – Что ты собираешься делать? – без всякого перехода спросил он.

Я как раз доставала два последних яйца из холодильника. Услышав вопрос, я невольно вздрогнула, и одно яйцо упало на пол, разлившись по нему ярко-оранжевой лужицей.

– Еще и руки из одного места растут, – припечатал он.

Я присела на корточки и посмотрела на него, закусив губу:

– Так получилось!

Но в душе моей зрела обида. И Вениамин, видимо, это почувствовал.

– Ладно. Замнем. Считай, что я неудачно пошутил.

– Очень неудачно!

– Все бывает. А твоя расхлябанность приводит меня в отчаяние. Все-все! Не буду. Перегнул палку.

Примерно раз в месяц Веня появлялся у меня в квартире и устраивал мне очередной разнос. Самое главное, что я никогда не знала, в какой именно день он придет, и поэтому

не могла предвидеть его появления и приготовиться к нему заранее. Эти «кавалерийские наскоки» заканчивались моим полным разгромом и апеллированием – с его стороны – к тому факту, что я должна наконец-то стать дисциплинированной и взять себя в руки. Я кивала, соглашалась, и все шло по-прежнему. Ни шатко ни валко. Я тянула лямку учебы в институте, но кем я хочу работать, я просто не представляла себе. Да и, честно говоря, мне было все равно. Ни амбиций, ни планов... Просто работа со средней зарплатой.

Когда яичница из одного яйца была готова, я села за стол и подперла щеку рукой.

– Сидишь, как моя Лариса, – пошутил дядя Веник. – Так же любит – сидеть и смотреть.

Он ел быстро, аккуратно и почти бесшумно.

– Давай выпьем за... твоих. – Он достал из пакета, который принес с собой, бутылку водки.

– Давайте...

Я принесла два стакана, и он налил водки. Себе – половину, и мне – тоже.

– Закусывай, – и он придвинул ко мне тарелку с ломтиками сыра. – Не стесняйся.

– В своем доме я не стесняюсь, – усмехнулась я.

– И то славно. – Вениамин помялся и сказал: – Твои родители... – и замолчал.

Я опустила голову.

– Вечная им память! – закончил он и залпом выпил водку.

Я понюхала, отпила из стакана два глотка – и заплакала.

Веня торопливо погладил меня по голове и пробормотал глухим голосом:

– Ну, не надо. Не надо... Все, давай на этом закончим...

Я вытерла слезы тыльной стороной ладони:

– Все. Не буду больше.

Вениамин резким движением поднялся с табуретки и пошел в комнату. Этого я и боялась больше всего. В комнате я не убиралась уже несколько дней подряд; даже кровать застелила кое-как, и кусок простыни виднелся из-под покрывала. Возле компа на столе стояли три чашки. Мне было лень их мыть, я брала чистую чашку и наливала туда кофе из джезвы. В одной чашке сморщился на доньшке засохший пакетик чая. На стуле валялась одежда, сброшенная мною кое-как, второпях...

Быстрым взглядом Вениамин оглядел мое хозяйство и протяжно присвистнул:

– Значит, так... Теперь я буду тебя контролировать чаще! Одним визитом в месяц больше ты от меня не отделаешься. Пока не приучу к порядку, буду приезжать в любое время дня и ночи и драть тебя, как новобранца. Это тебе понятно? И никаких отговорок! Никаких поблажек, женщина, – произнес он с расстановкой. – Бардак развела. Кто тебя, такую, замуж возьмет?

– А я пока и не собираюсь, – огрызнулась я. – Мне спешить некуда!

– Пока некуда. А когда начнешь спешить – уже всех женихов разберут.

– Вы сами Ларису встретили, когда ей было тридцать лет. И она не замужем была.

– Лариса – особый случай. У нее жених погиб, когда ей было девятнадцать. И с тех пор Ларочка как окаменела. Не хотела ничего и никого слышать. Прошло десять лет после гибели Вадима, и мы встретились. Так что Лара для тебя не пример. Тебе своей башкой думать надо. А чем ты занимаешься вообще? – вдруг спросил он.

– В институте учусь! – Я внезапно обозлилась. – По помойкам не шляюсь!

На экране компа плавала заставка – скачущие лошади. Вениамин подошел и нажал на «enter». Возник интерфейс компьютерной игры.

– Так вот чем ты занимаешься! – с расстановкой произнес Вениамин Александрович. – Дурака валяешь, попросту говоря...

– Ну, дядя Веня, – заканючила я. – Ну, прости. Так получилось...

Мне совершенно не хотелось ссориться или ругаться с ним. Я знала, каким строгим и непреклонным может быть Веня. Один раз я с ним уже поссорилась, и он целый месяц со мной не разговаривал. Я звонила ему и натывалась на ледяное молчание. Ужас, как это было неприятно! Из-за этого молчания у меня по спине бежали мурашки и в горле за-

стревал комок. Наконец я не выдержала и первая попросила прощения, и меня простили, но с просьбой «больше не чудить». Я согласилась, но все равно обиделась и не могла даже сказать: почему? Наверное, потому, что это молчание ранило меня сильнее, чем «высокие слова». В этом молчании был привкус отторжения, и я поняла: если я сию минуту не попрошу прощения, от меня отрекутся – раз и навсегда. Но свою жизнь без Вени я не представляла: он был всегда со мной – строгий и ненавязчивый. Плечо, которое всегда рядом, и поэтому я согласилась пойти на маленькую уступку.

Но этот момент дался мне нелегко: я не любила идти на попятную и соглашаться с кем-то или с чем-то. Я была как один сплошной комок нервов и воевала со всем и вся. Но – согласилась наступить на горло «собственной песне». Так мне было важно, чтобы меня простили. Вот и сейчас – я почувствовала себя маленьким брошенным котенком и испугалась.

– Веня! – промурлыкала я. – Прости.

– Когда надо, я – Вениамин Александрович, когда надо – Веня, – проворчал он и поднял указательный палец. – Прощаю, но с одним условием!

– Каким? – быстро спросила я. Мне почему-то показалось, что сейчас он взвалит на меня какую-то нудную обязанность, например, погулять с их таксой. Пару раз они с Ларисой уезжали в дом отдыха, и обязанности по выгуливанию таксы возлагались на меня.

– Гулять с Норой? – быстро спросила я. – Согласна!

– Нет. Не с Норой. И не перебивай меня. – Веня сел в старое кресло, которое под ним угрожающе скрипнуло. – Тебе уже пора браться за ум.

– Я и так вся «в уме». Тружусь. Учусь!

– Вижу. В компьютерные стрелялки играешь.

– Иногда, и... чуть-чуть.

Веня замолчал.

– Ну и как, нравится?

Я не сразу поняла, о чем он.

– Что нравится?

– Компьютерные игры.

– Если только чтобы время убить, – рассмеялась я.

Компьютерные игры помогали мне скрасить долгие тоскливые вечера. Смешно сказать, я под села даже на детскую игру «ферма», где добросовестно выращивала цветочки и картофельные грядки и нетерпеливо смотрела на оставшееся время, когда я смогу «прикупить» себе еще семян, полить их из лейки и ждать «всходов». Это был чистой воды кренизм. Но я ничего не могла с собой поделать!

– Убить! Время... – Вениамин помолчал. – Время убивают только глупцы и невежды. Существует эта опасная фраза: убить время. Но на самом деле это время убивает тебя: ежедневно и ежечасно. Ежесекундно. И через пять минут ты уже не такая, какой могла бы стать еще минуту назад...

– Это кто сказал?

– Не помню. Какой-то восточный философ. Значит, так: пора тебе обучиться какому-нибудь делу.

– А чем же я занимаюсь в институте?

– Это меня не касается. Я сказал: делу! Я возьму тебя к себе – на работу. Но тебе придется обучиться многому: восточной борьбе, стать хакером, обучиться языкам, психологии, – сказал он без всякого перехода.

Информация дошла до меня не сразу, и я переспросила:

– Чего-чего?! – и через минуту: – А зачем?

– У тебя будут в руках навыки и полезное ремесло.

– Ремесло?!

– Да. Нам нужны разносторонние спецы. Вот что я хотел тебе сказать...

Я взяла чашку и, забравшись в кресло с ногами, отпила несколько глотков чая. Веня смотрел на меня, еле заметно улыбаясь. Он словно знал мой ответ заранее, знал, что я не смогу ему отказать, и поэтому все дальнейшее было лишь вопросом времени.

– Я согласна.

Веня кивнул, и наш разговор свелся к ничего не значащей переброске словами. Вскоре, посмотрев на часы, Веня уехал. На прощанье он потрепал меня по волосам и дал наказ – «быть славной девочкой».

После его отъезда я допила уже остывший чай. В голове была пустота. Но вместе с тем постепенно у меня выкристаллизовалась мысль: «Я буду полезной и смогу найти свое ме-

сто в жизни». После смерти родителей я больше всего боялась оказаться брошенной, никому не нужной. Это пугало меня больше всего и являлось причиной того, что я не могла установить отношения с противоположным полом. Сама мысль — довериться кому-то — повергала меня в ужас. Я не хотела этого делать... Ни под каким видом...

Чай я допила. Быстро разобрала постель и легла, прижав к себе старого плюшевого медведя, подаренного мне родителями еще в глубоком детстве. «Мне так плохо... Но я справлюсь», — прошептала я и потерлась носом о его плюшевую морду.

С тех пор и началась моя вторая жизнь. Веня постоянно инспектировал меня, не давал расслабиться: я прилежно — под его руководством — изучала экономику, уже на более высоком уровне, чем нам преподавали в институте, осваивала хакерское дело и занималась восточными единоборствами. Плюс штудировала учебники по психологии и изучала иностранные языки. Также меня обучили пользоваться отмычками и специальными ключами. Это так, на всякий случай, пояснил Веня. Как вскрывать замки, мне показывал один чел с плоским невыразительным лицом, объяснявший все точно и по порядку.

Веня составил для меня план индивидуальных занятий и регулярно проверял его выполнение. Веня был строгим учителем и нещадно ругал меня за малейшую оплошность. Когда он отчитывал меня, я опускала голову и чувствовала, что

хочу разреветься в полный голос. Но Веня был хорошим психологом и поэтому, чувствуя, что он перегибает палку или я готова пролить отчаянные слезы, хлопал меня по плечу и говорил: «Ладно, малыш, ты все поняла. Будем работать дальше... Давай чаю попьем, и ты расскажешь, чем занимаешься в свободное время».

Незаметно Веня стал для меня всем: и учителем, и другом, и заботливым папочкой. Я рассказывала ему о фильмах, которые смотрела; в ту пору я увлеклась восточными боевиками и пересказывала ему их содержание. Он пил чай, улыбался, слушая меня, и от этой улыбки маленькие морщинки появлялись в уголках его глаз.

«А он интересный мужчина», — как-то подумала я — и невольно смутилась из-за этой мысли.

Веня не переступал границ в общении со мной, и со стороны мы вполне тянули на босса и его подчиненную. Или на отца и дочь.

Когда я окончила институт, Веня начал потихоньку привлекать меня к работе.

Служба безопасности крупного финансового холдинга, где работал Веня, занималась самыми разными делами, я была оформлена там внештатно и «использовалась» от случая к случаю. Работа была не слишком обременительной: изучить все справки, съездить в другой город, проверить биографические данные какого-либо человека, если он вызывал подозрения и недоверие. Несколько раз меня использовали и для

прикрытия. Я отвлекала людей, пока в их квартирах производился обыск. Я сердилась: мне хотелось настоящего дела, настоящей работы, увиденной мною в американских боевиках о бесстрашных разведчиках ЦРУ или героях-одиночках.

Веня смеялся и говорил, что в жизни все гораздо проще, киношные деятели напридумывают с три короба, а народ раззевает рот, всему верит.

Любовниками мы стали почти случайно, но, если принять в качестве аксиомы утверждение, что в мире ничего случайного не бывает, значит, все было predetermined свыше и решено за нас.

Я помню это день, переходивший в теплый вечер. Я приехала к Вене на дачу. Закат уже чертил ровные четкие тени по земле, косые лучи солнца золотисто-розовыми всполохами разметались по небу. Стояли последние дни августа – теплого, по-летнему щедрого. Это лето я провела в городе и с каким-то странным удивлением, как человек, выбравшийся из темницы, разглядывала пейзажи. Дорога к Вениной даче шла пролеском, потом полем. Но сначала нужно было миновать деревню, в которой дома купили новые богатеи, вместо старых бревенчатых построек они возводили кирпичные двухэтажные, а то и трехэтажные. Я спустилась в овраг, где журчал обмелевший ручей и было почти совсем темно, затем выбралась на его склон и пошла полем. Трава – высокая, по пояс, – колыхалась под легким теплым ветром, я торопилась идти за солнцем, которое стремительно клонилось к за-

кату... Венина дача располагалась у самого леса. Это была старая дача его родителей, и Веня не хотел никуда переезжать, хотя Лариса, его жена, постоянно капала ему на мозги, чтобы он приобрел что-то более «приличное». Я ожидала еще издали увидеть Ларису на крыльце. Но меня никто не встретил, и я, открыв калитку, с удивлением позвала:

– Лариса! Вениамин!

В ответ я услышала только тишину. Я поднялась на крыльцо, и тут раздался хриплый Венин голос:

– Проходи!

Я вошла на веранду. Она утопала в лучах теплого августовского солнца, остро пахло свежими яблоками. Веня сидел в кресле ко мне спиной, в черной футболке, вытянув ноги. Я видела лишь его коротко стриженный затылок и плечи.

– Веня! – позвала я внезапно севшим голосом. – А где Лариса?

– Уехала. – Он развернулся ко мне. – У нее приболела мать, и соседка вызвала ее срочным звонком. Я не стал отменять наше свидание, потому что нам о многом надо поговорить.

– Хорошо, – я опустилась на стул.

– Есть хочешь? Раскраснелась ты что-то.

– Торопилась, – пояснила я. – Боялась опоздать.

– Куда?

Я пожала плечами и рассмеялась:

– Сама не знаю.

– Поешь! – Он придвинул мне тарелку с дымящейся картошкой и мясом. – Специально отварил.

Я начала есть. Веня вышел в комнату и с кем-то поговорил по телефону. Потом он вернулся ко мне.

– Сейчас я тебе все объясню...

Это касалось одного задания по работе: нужно было проверить одного человека, встретиться с его бывшими друзьями и коллегами. Наша беседа затянулась до ночи. Выяснилось, что ехать обратно в город уже поздно, и Веня предложил мне остаться переночевать. Я легла спать в маленькой комнате. Было душно, и сон никак не шел ко мне... Я вышла на веранду и почувствовала, как усилился запах яблок: острый, терпкий...

Я села на стул. Дверь на противоположной стороне веранды открылась, и показался Веня. Его силуэт четко обозначился в проеме двери.

– Не спишь? – услышала я от него.

Я мотнула головой: язык словно прилип к нёбу.

Он подошел ко мне и, резко наклонившись, поцеловал в губы, так, что они заныли...

Мы любили друг друга на полу веранды, он был теплым, нагретым за этот солнечный день. Мы были одним сумасшедшим, восхитительным целым, наши тела соприкасались друг с другом – и получался взрыв, отдававшийся в них сладостной судорогой...

И запах яблок, все усиливавшийся – сладкий, головокру-

жительный. Еще немного – и, казалось, я задохнусь – и от этого запаха, и от Вениной близости. И потом, уже перед рассветом, молочным туманом вползавшим в окна, мы заснули там же, на полу, и Венина рука лежала на моей груди; я боялась пошевелиться, только слышала, как гулко колотится мое сердце. Когда я проснулась, осторожно высвободила Венину руку, встала и, сев на стул, взяла из корзины зеленое яблоко и надкусила его.

Мне захотелось на улицу. Сняв старый плащ с вешалки, я вышла, стараясь не шуметь, на крыльцо. На горизонте нежно розовела полоска неба. На траве лежала роса, и я пошла по ней босиком – к концу участка, где росла большая яблоня с ветвями, склонившимися почти до земли. На участке не было огорода. Веня говорил, что Лариса не любит возиться в земле. Росли только кусты малины и смородины, две клумбы и пять старых яблонь, посаженных еще Вениными родителями.

Яблоки уже собрали, но несколько штук еще висели на ветвях. Я сорвала одно и пошла обратно к дому.

Веня проснулся, как только я вернулась на веранду:

– Куда ты ходила?

– По участку прогулялась. – Я протянула ему яблоко: – Хочешь?

Он взял его из моих рук и провел спелым плодом по моему лицу.

– Иди сюда! – позвал он меня хриплым шепотом...

Когда мы прощались, Веня умудрился все испортить, расставив безжалостные точки над «і». Во время чаепития он объявил мне, что Ларису он никогда не бросит, она не сможет жить без него, и поэтому я не могу рассчитывать на что-то серьезное. Он не может мне ничего обещать, и поэтому я должна принять все как есть. Я слушала его, не понимая и недоумевая: зачем он говорит это сейчас? Можно было бы сказать эти слова при других обстоятельствах, в другой момент.

Я была еще здесь... вместе с ним, на этой веранде. А он был уже там – в своих делах: рабочих, семейных. С утра позвонила Лариса, и он успел переговорить с ней, бросая односложные реплики. В голове моей билась одна-единственная мысль: «Мы никогда не будем вместе! Никогда!» И никогда у нас не будет детей – толстощеких неугомонных карапузов, которые будут ползать под большой раскидистой яблоней в углу и пытаться схватить за хвост большую собаку. Почему-то с детских лет я всегда хотела иметь собаку. Но родители были против, они не верили, что это серьезно и что я стану ухаживать за псиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.